

◆ Валерий Введенский ◆

Валерий Введенский

**Приказчик
без головы**

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В 24

Художественное оформление *П. Петрова*

Введенский, Валерий Владимирович.
В 24 Приказчик без головы / Валерий Введенский. —
Москва : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Исторический де-
тектив Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-699-75033-7

Всегда сложно мириться с несправедливостью. Особенно если дело касается человеческой жизни. В такой непростой ситуации оказывается Александра Ильинична, Сашенька, — любимая и любящая жена присяжного поверенного, князя Дмитрия Даниловича Тарусова. Первое дело, которое ему поручают рассмотреть, — убийство приказчика. Его обезглавленное тело нашли в реке. На первый взгляд все кажется простым, а итог следствия – предсказуемым: признание подсудимого получено, улики найдены. Но Сашенька подозревает, что тут не все «чисто», и с энтузиазмом принимается за расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75033-7
© Введенский В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Посвящается Тане и Никите

*Автор благодарит **Николая Свечина**
и Ивана Скобева за помощь,
поправки и замечания*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сашенька восхищалась рассудительным (ах, весь в отца!) Евгением, обожала черноброво-черноокою (опять же, в Тарусова) Татьяну, души не чаяла в маленьком Володе, унаследовавшем от супруга вкупе с высоким лбом необыкновенные способности — пяти не стукнуло, а уже бойко читает и на русском, и на французском. Но, несмотря на этакое счастье, самым главным, самым любимым ее ребенком был муж — князь Дмитрий Данилович Тарусов.

Семнадцать лет брака пролетели как один счастливый день.

Князю завидовали. Александра Ильинична сочела мыслимые и немыслимые достоинства. Вторым именем ее была верность, третьим — страстность. Романтическая красавица с приличным приданым, она оказалась толковой хозяйкой, умевшей на скромное жалованье мужа нанять престижное жилье и придать ему уют и очарование.

Объективности для упомянем и недостатки, вернее главный из них: княгиня была умна.

Да, да! Редкий из нас, мужчин, считает сие достоинством. Почему?

Во-первых, не похвастаться. Осиная талия и стать античной богини вызывают понятное восхищение знакомых. А ум? Где и как его предъявить?

Во-вторых, умная жена непременно должна руководить. А вы, между прочим, и без нее знаете, чем заняться, вот только с дивана пока вставать не собираетесь.

Однако Александре Ильиничне повезло — Дмитрий Данилович и сам был умен. Общение супругов не ограничивалось только ласками и воспитанием их последствий. Князь с удовольствием обсуждал с женой дела, читал вслух рукописи, спрашивал совета. Сашенька же была столь умна, что сама с ними к мужу не приставала...

Впрочем, зря... Эх, давно Тарусов был бы присяжным поверенным, еще четыре года назад, в 1866 году♦, когда судебная реформа началась. И гремел бы он не меньше Спасова или того же Стасовича. Но лишь когда Казанский университет под давлением Третьего отделения аннулировал свое же решение избрать князя профессором, Дмитрия Даниловича посетила давно витавшая в голове мысль.

Тарусовы всегда ужинали при параде. Сегодня же случай был особый — князя приняли в адвокаты, потому Сашенька нарядилась в новое платье, которое берегла к именинам мужа, а сам виновник торжества

♦ Судебная реформа началась раньше, в 1864 году, когда был утвержден новый судебный устав. Однако судопроизводство по новым правилам началось лишь в 1866 году, тогда же был избран первый в России Совет присяжных поверенных (в Петербурге), и они смогли приступить к защите обвиняемых в суде. (Здесь и далее примеч. автора.)

скрепил рукава сорочки изумрудными запонками (подарок жены к десятилетию свадьбы).

— Приняли единогласно! — в который раз хвастался супруг.

— Нисколько не сомневалась! Кого, если не тебя? — Александра Ильинична подняла бокал с искрящимся *Veuve Clicquot*♦. — За великого адвоката!

♦ «Вдова Кликко» (фр.).

— Любовь моя, рано, рано еще так говорить! — смутился Дмитрий Данилович и, кивнув на детей, добавил: — И непедагогично.

— А дети со мной согласны! Да, дети?

— Да! — поспешил ответить за всех младший. — А торт когда будет?

Мама обещала великий праздник, но ни елки в столовой, ни крашеных яиц на столе Володя не обнаружил. Торт был последней надеждой превратить обычный ужин в торжество.

— Скоро, скоро! Доедай курицу, — пообещала толстая Клавдия Степановна, служанка на все руки у Тарусовых.

С Дмитрием Даниловичем она была с рождения — сначала кормилицей, потом нянькой. Когда мальчик вырос и женился, упросила старого князя отдать их с мужем к нему в услужение. Готовила, стирала, убирала, нянчила детей, успевая все одновременно. Но в последние месяцы, после смерти незабвенного Филимоньча, служившего при жизни камердинером-истопником-полотером, тяжело ей стало спускаться по лестницам. Однако об этом после...

— А Дитцвальда в прошлом году не приняли! — вспомнил князь, дабы вернуть разговор в приятное русло.

— Ну, сравнил! — Нежно-голубые глазки Александры Ильиничны возмущенно округлились. — Сам же говорил: двух слов связать не может, даже на бумаге! К тому же подлец!

Княгиня имела все основания так говорить. Именно Фердинанд Эдуардович Дитцвальд был причиной многолетних злоключений Дмитрия Даниловича. Самого молодого и многообещающего профессора Петербургского университета князя Тарусова после студенческих волнений 1861 года изгнали с кафедры по доносу коллеги. Профессор Дитцвальд сообщил в университетский совет о чрезмерном сочувствии, которое Тарусов в частных беседах выказывал к арестованным, и о неприятии Дмитрием Даниловичем репрессивных мер, чинимых к оставшимся на свободе. Попечитель учебного округа, генерал от инфантерии Пилипсович, был с князем по-военному краток:

— Государственная служба имеет свои требования, и кто не хочет или не может их исполнять, волен ее оставить.

Дмитрий Данилович подал в отставку. Его тут же с радостью пригласили в Училище правоведения. Но три года назад, не без участия Третьего отделения, Дмитрия Даниловича попросили и оттуда. Тарусов, стиснув зубы, перебивался статьками в «Новостях» и во «Всеевропейском вестнике», ожидая, что «Учебник уголовного права», над которым он корпел по ночам, вернет ему кафедру. Зря! Хоть коллеги за рукопись присвоили Тарусову степень доктора права, печатать ее, а тем более преподавать в столицах власти катего-

рически запретили. Оставалась призрачная надежда на провинциальные университеты, но в Казани... Впрочем, об этом мы уже поведали.

— Сашенька, — развел руками князь, — не стоит так о коллегах.

— Дитцвальд — подлец! — повторила княгиня.

— Здесь дети! — напомнил ей Тарусов.

— Им и говорю! Старшим давно пора знать, что на свете не только порядочные люди, часто и подлецы встречаются...

— А я уже знаю! — неожиданно подхватила дочь. — Например, Евгений...

Сегодня утром Татьяна застала старшего брата за чтением ее дневника. Возникшая после этого перепалка продолжалась всю прогулку и закончилась примирением незадолго до ужина. Тем неожиданней для Евгения был выпад сестры. Юноша, по-взрослому выдернув салфетку и скомкав, собирался уже бросить ее на пол, как Татьяна, ехидно улыбнувшись, закончила фразу:

— ...Онегин! Евгений Онегин — подлец. И не смотрите так удивленно, маменька. Убил Ленского, добивался замужней дамы...

— Шура! — в раздражении пробурчал князь. Когда был недоволен, обращался к жене именно так. — Сколько можно повторять: Татьяне рано читать подобные книги! Всеу свое время, пусть подрастет.

Александра Ильинична сверкнула глазками. Внимательный читатель по именам детишек уже догадался, над каким романом проливалась она слезы в девичестве.

— Диди! — Княгиня часто называла мужа по инициалам. — Ты, верно, очень занят и подзабыл, что Танечке уже четырнадцать. Они с Лариной ровесницы!

— Тогда другие были времена, — парировал князь. — В пятнадцать выдавали замуж.

— Да, — согласилась со вздохом Александра Ильинична.

Дремавшая полтора года лет после петровской встряски Россия вдруг снова пришла в движение и такую скорость развила, будто вместо слабосильной клячи тащил ее вперед теперь могучий паровоз! Повсюду строились фабрики и заводы, бескрайние просторы туго стянула паутина железных дорог. А как Петербург преобразился! Из приземистого превратился в пятиэтажный, оброс частоколом пыхтящих труб. Да и публика на его улицах стала иной: большую ее часть составляли теперь студенты и работники♦. На более удобную и практичную менялась одежда. И, конечно же, вместе с эпохой переменились и нравы.

♦ Так называли рабочих в 60—70-х гг. XIX в.

— А меня в двенадцать выпихнули! — на правах едва ли не родственницы встряла в господский разговор Клавдия Степановна. — У Филимоньча отец сгинул, мать померла, пятеро детей сиротами, а он из них самый старший. Без хозяйки не управиться! Вот и посватал.

— Ныне такое варварство запрещено, — напомнил Дмитрий Данилович. — Только с шестнадцати.

— И очень зря! — воскликнула Таня, выскакивая из-за стола.

— Куда? — строгим голосом спросила Сашенька.

— Почитаю.

— Глаза попортишь от книг! — проворчала вдогонку Клавдия Степановна. — Будешь вон, как отец, очками щи гонять.

Клавдии Степановне нравилось слово «щеголять» — барское оно такое, изысканное, но понимала и произносила она его по-своему.

— А торт? — напомнил сестре Володя.

Татьяна повернулась у двери и ехидно сообщила:

— Один мальчик ел, ел сладкое, ел, а потом взял и умер. Кишки слиплись!

Володя от страха (покушать любил, а смерти, как все дети, боялся) громко заревел. Александра Ильинична бросилась утешать.

— Татьяна становится решительно невозможной! — возмущенно пожал плечами Тарусов.

— Потому что подруги по дачам разъехались, посплетничать не с кем, — пояснил родителям Евгений.

— Эх! — опять вздохнула Александра Ильинична.

Дачу в этом году не сняли из экономии. Однако жара, приятная на природе, в Петербурге оказалась невыносима. Камни, из которых город построен, от солнца накаляются, и даже ночью не случается успокоительной прохлады. Прибавьте пыль, комаров, миазмы, дым фабричных труб...

«Господи, как славно, что Диди стал поверенным, — думала княгиня. — Рекой не рекой, но деньги теперь потекут. Особенно если первое дело случится громким. И выигрышным!»

Ночью, в спальне, выяснилось, что дело уже поручено. Увы, увы, по назначению безгонорарное. Незадачливый убийца право на защиту имел, а вот

денег — ни копейки. Тарусову, как новичку, его и подкинули.

Дмитрий Данилович не спешил снимать халат. Прохаживаясь взад-вперед по спальне, репетировал:

— Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимый, обвиняемый в самом страшном преступлении, которое только можно представить. Прежде всего, я должен выставить его поступок без прикрас. Понимаю, что тем самым я теряю всякую возможность защитить его, но должен признать — подсудимый поступил нехорошо. Весьма нехорошо! Единственное, чем можно объяснить столь ужасное деяние, — умопомешательством! Да-с!

Сашенька кашлянула, чтобы прервать на секунду мужа:

— Диди! Неужели настолько безнадежно?

— Увы! — развел руками Тарусов. — При обыске в доме обвиняемого найдена отрубленная голова. В прихожей висела, в заплочном мешке...

— Какой ужас... Одна голова? А тело?

— Тело всплыло днем ранее, в Малой Невке.

♦ Декапитация (лат.) — обезглавливание.

Естественно, декапитированное♦. Труп опознали по одежде и родимому пятну на ноге: Сидор Муравкин, старший приказчик купца второй гильдии Осетрова. Происходил покойный из крестьян Ярославской губернии, в Петербурге прожил около пяти лет. Исчез за день до всплытия. Полиция произвела обыск в доме купца, где погибший проживал, и в доме единственного родственника — брата Антипа. С обоими Сидор незадолго до смерти крупно поругался, а с братом к тому же подрался. Ну вот... У этого самого Антипа голову и нашли.

— Глупость несусветная! — Александра Ильинична порывисто откинула одеяло и буквально выпрыгнула из кровати.

— Ты о чем? — не понял князь.

— А вот ответь — с какой целью этот Антип обезглавил труп?

— Чтобы опознать не могли!

— А зачем тогда голову у себя держал?

— Говорит, закопать не успел. Я тебе главное не рассказал. — Князь посмотрел в глаза супруге. Они были друг с другом на «ты» — тоже веяние времени, в начале века подобное и представить было нельзя. — Антип признался!

— Признался?! — изумилась Сашенька. Раскаявшийся братоубийца совершенно не подходил для громкого дела, о котором она мечтала для мужа. — А вдруг его били? Вдруг пытали? Сам давеча рассказывал, как подследственного заставили соль есть, а потом трое суток не давали пить.

— Исключать подобного нельзя. Адвокат в предварительном следствии не участвует, сама знаешь...

Судебную реформу провели робкую и половинчатую. Да, суд присяжных, но не во всех губерниях. Да, обвиняемого теперь есть защитник, призванный в состязательном процессе подвергнуть сомнению доводы обвинения, но поди докажи, что признания выбиты пытками или угрозами, а ведь оно случается сплошь и рядом! Конечно, по новым уставам одних признаний недостаточно, но по-прежнему судьи придадут им первостепенное значение, а отказ от них трактуют не в пользу обвиняемого.